

МЕГА-БАРАН

**В ЭТОМ РАССКАЗЕ,
ОПУБЛИКОВАННОМ В ИЮЛЕ 1967 г.,
ОХОТНИК ПОВЕДАЛ О ПЕРВОЙ
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ
ЭКСПЕДИЦИИ В МОНГОЛИЮ
В ПОИСКАХ ЖИВОТНОГО, НЫНЕ
ИЗВЕСТНОГО ПОД НАИМЕНОВАНИЕМ
«АЛТАЙСКИЙ АРГАЛИ»**

ФРЭНК С. ХИББЕН

Мне кое-что известно об охоте на горных баранов. Может быть, я даже признаюсь, что погоня за этими великолепными животными – это просто какая-то мания. Ведь охотник на горных баранов должен думать и поступать практически так же, как и баран, которого он преследует. Он должен обладать упорством и выносливостью, чтобы противостоять мерзкой погоде, предательским горным склонам, преодолевать оглушительное разочарование. Мне довелось через всё это пройти во время различных охот на диких баранов. На одной групповой охоте, что продолжалась 60 суток на севере Британской Колумбии, мне не удалось даже отыскать хотя бы подходящий для добычи экземпляр. Охота на Аляске на барана Далла, из-за плохой погоды и аварии самолёта, едва не закончилась полной катастрофой, и я опять вернулся с пустыми руками.

И всё-таки я не прекращал это дело. За всё время моей охоты на диких баранов я дважды собрал «Большой шлем» (т.е. все четыре вида горных баранов, что водятся в Америке), а теперь имею трофеи всех этих видов, занесённые в книгу рекордов. Я также охотился на большинство видов европейских, ближневосточных и азиатских баранов. Всего на охоте я добыл 12 разных видов. Однако же мне ни разу не удалось даже взглянуть на их короля – монгольского аргали – дикого барана с самыми массивными рогами в мире среди своих сородичей.

И не потому, что я не пытался. Начиная ещё с 1947 г., я подавал заявки на разрешение посетить Монголию и Восточную Сибирь. В то время наши отношения с Советским Союзом считались довольно хорошими. И я запрашивал разрешения на охоту на барана аргали в Монголии и камчатского барана на полуострове Камчатка (вид дикого барана, схожий с американским толсторогом). Отказа я не получил. Впрочем, и разрешения тоже. На следующий год я попытался ещё разок, и снова – через год. С тем же результатом. Но я продолжал колотиться в стенку.

Джордж Лэндрет, инженер-нефтяник, в конце концов отыскал такую возможность. Внешняя Монголия, именуемая ныне Монгольская Народная Республика, в 1961 г. была принята в ООН, а в 1964 г. монголы предприняли слабую попытку начать туристический бизнес. В 1965 г. Лэндрет предпринял поездку до самой монгольской границы, но там его завернули назад. Не утратив присутствия духа, он снова решился на такой же пикничок, только под крылышком «Интуриста» – русского туристического агентства, и ему наконец разрешили въезд в Монголию и охоту на небольшом горном кряже вблизи пустыни Гоби. Вот там он увидел и добыл несколько аргали. Он стал первым американцем,

кому удалось это сделать со времён Роя Чэпмена Эндрюса, возглавлявшего экспедиции в пустыню Гоби в 1920 г.

В 1966 г., вместе с десятью другими заядлыми американскими охотниками на баранов, я начал приготовления к выезду во Внешнюю Монголию и проникновению в таинственные горы Алтая, где можно было отыскать короля диких баранов. Лэндрет предоставил нам бесценную информацию, но всё-таки это было не так просто. Точнее, крайне непросто. Из десятка энтузиастов только пятеро вообще добрались до Монголии, ну а я оказался единственным, кто попал на Алтай, край баранов-великанов.

Правду говоря, ни у кого из нас даже не было монгольской визы, пока мы не добрались до Иркутска в Сибири. Не скрываясь, самые разные официальные лица долго приглядывались к нам, пытаясь разобраться в том, что, может быть, мы более подозрительны, чем выглядим. А затем, как-то утром, без всякого предварительного извещения, нам сказали паковать и выезжать в аэропорт Иркутска для вылета в Монголию. Моя жена и я, в сопровождении нашего друга Уира Макдоналда с женой из Скотсдэйла, Аризона, поднялись на борт выдавшего виды древнего самолёта «Ил-14» для совершения короткого рейса в Улан-Батор, столицу Монголии. Самолёт был уже полон живописно одетыми монголами. Мы были в эйфории, полагая, что мы в конце концов преодолели все трудности и уже близки к достижению нашей цели.

Но нет. Наши проблемы никоим образом ещё не закончились. В Улан-Баторе нас встретил улыбающийся молодой монгол с короткой европейской стрижкой. Этот человек, назвавшийся Б. Цурэнгом, представился просто как наш переводчик. Только позже я узнал, что он был редактором газеты монгольских коммунистов «Унэн» («Правда»), партийным функционером и полковником монгольской армии.

Улан-Батор показался нам городом контрастов. Наша гостиница, построенная чехами, выглядела бы вполне современно в любом месте планеты. Но позади гостиницы и по окраинам города располагались тысячи шерстяных палаток, или юрт.

На встрече с местным чиновником, Дамбэнгом Мэрхэшем, мы испытали наш первый финансовый шок. Мэрхэш прямо заявил нам, прихлёбывая водку из стакана, что наша охота обойдётся нам по 200 долларов ежедневно с носа, а за жён нам придётся отстегнуть и дополнительную плату. Мы были поражены. Такие расходы делали Монголию для нас гораздо более дорогой страной

по сравнению с теми, где нам доводилось до сих пор путешествовать. Но что же тут поделать, ведь мы уже были там, так что мы решили продолжить охоту.

Вот и ещё один ветеран «Ил-14», тоже потрёпанный, весь в маслянистых потёках, со струйками жидкости, бьющими из-под крыльев, доставил нас в пустыню Гоби к югу от Улан-Батора. Пролетая над редко заселённой территорией, мы замечали белую точку случайной юрты под нами и бесконечно обсуждали вопрос, как же это коммунистический режим может существовать в условиях экономики с такой распылённостью производителей. Мы приземлились в Далан-Дзадагаде, центре провинции Южная Гоби – скоплении 200-300 юрт и нескольких деревянных строений. Но выйти в сам город нам не разрешили. Мы опять загрузились в самолёт, с трудом взлетели среди гарцующих на низкорослых

лошадках монголов и разбросанных тут и там бактрийских верблюдов.

Наконец самолёт вытряхнул нас на жёсткую поверхность покрытой пустынным щебнем долины к северу от Алтайского хребта. В середине долины приютилась кучка юрт, числом около 18, которую мы немедленно нарекли «Юртвиллем». Здесь должен был быть наш базовый лагерь. К югу и к западу от нас, на расстоянии не более 15 миль, таились мрачные расщелины и нагие хребты Алтая, – обители баранов аргали.

Мы возбуждённо обсуждали предстоящую охоту, но опять не приняли в расчёт монголов. Этим же вечером Цэдэндорж, комиссар Юртвилля, поведал нам, что нам надо идти на юго-восток, к небольшому горному кряжу на границе пустыни Гоби. Он слышал, что там есть бараны, но никогда там не был. Два часа

Уир Макдональд и я уламывали Цэдэндоржа, стоя за юртой на ледящем ветру. Не меньше дюжины раз мы пытались втолковать ему, что нам надо на Алтай, где водятся крупные бараны. Единственным его ответом было: «Это запрещено».

Так что наутро в русском джипе мы двинулись в южном направлении по еле заметному следу, пересекавшему ложе долины. Мы обогнули самый южный отрог Алтайских гор. Через сутки нелёгкого путешествия мы добрались до коллективного животноводческого хозяйства (лошади и верблюды) недалеко от границы с Красным Китаем. Тамшний комиссар назначил местного охотника за мясом нашим проводником, а также решил и сам пойти с нами.

На этом безымянном горном кряже водились бараны (и козероги тоже), но тут были ещё и потрясающие пустынные

Историческое «открытие» Монголии Джорджем Лэндретом в 1965 г. для охоты на аргали быстро привлекло интерес охотников на баранов по всему миру, включая и четверых из них на этой фотографии 1966 г., все из которых были или станут лауреатами премии Уэзерби. Слева направо: Бэзил Брэдбери, лауреат 1973 г.; доктор Фрэнк Хиббен, лауреат 1963 г.; Элгин Гейтс, лауреат 1960 г.; и Херб Клейн, лауреат 1956 г. Уир Макдональд, компаньон Хиббена по охоте в Монголии в 1966 г., и человек, сделавший эту фотографию, стал лауреатом этой премии в 1968 г. А Лэндрет получил её в 1970-м

разновидности великолепных животных, за которыми мы забрались так далеко. Пустынная почва могла произвести лишь скудный покров растительности засушливых районов. Единственный в округе родник был практически оккупирован лошадьми и верблюдами монгольских арагов. В первый вечер я добыл пару баранов, поскольку нам нужно было мясо. Любой из них вызвал бы восторг в Америке, но рога обоих баранов были короче 50 дюймов. У самого крупного из них база каждого рога была в окружности по 20 дюймов. По стандартам Буна и Крокета этот баран получил бы по данному параметру больше очков, чем самый крупный баран Северной Америки. И всё же я был разочарован.

На следующий день я добыл козерога, который, судя по количеству кольцевых утолщений на его рогах, пережил 11 монгольских зим в этих пустынных горах. И всё же рога его были длиной менее 40 дюймов, а мне доводилось добывать козерога и получше в Иране. Вообще-то монгольский козерог считается самым крупным в своей породе. Рой Чэпмен Эндрюс отыскивал в горах Алтая экземпляры с рогами почти по 50 дюймов длиной и шести дюймов в поперечнике основания рога.

Уир добыл одного барана, по размерам почти такого же, как и мой трофей. А через пару дней в лагерь доставили двух наших друзей, которые были задержаны в Москве, – Элгина Гейтса и Херба Клейна, – и вывалили их к нам. В ту ночь все мы держали военный совет. С монголами бесполезно спорить. Они просто тащат нас туда, куда им надо, и дело с концом.

Через два дня пустой охоты Гейтс и Клейн, вместе со своим водителем и переводчиком, отбыли к другому горному кряжу,

ещё дальше на восток. Я добился от Цурэна возвращения в Юртовилль. Мне казалось, что если я смогу добраться туда, то, возможно, сумею и добраться пешком до Алтая, переночевать у костра и взять насколько аргали самостоятельно.

Фишка была в том, чтобы получить от монголов разрешение на пеший поход к основному Алтайскому хребту. Наконец, Цурэн, в момент откровенности, объяснил мне, почему Алтай считается запретной зоной. Полагают, что Чингис-хан и его тургауды – воины личной охраны – были похоронены вблизи Ихэ-богдо, самой высокой вершины гор центрального Алтая. Я поинтересовался у Цурэна, а не могли бы мы обогнуть священное место упокоения Великого Воителя

и поохотиться в западной части Алтая. Краткий ответ Цурэна был: «Это невозможно».

Я заверил Цурэна, что, если нам удастся добыть трофей, ради которого мы и приехали, то я его щедро отблагодарю. В конце концов, поездка всё равно оказалась настолько дорогой, что дополнительный расход значил бы очень немного. Позже я вновь подтвердил своё обещание отстегнуть зелёных американских долларов, если мы сделаем своё дело. По всей видимости, это и решило вопрос.

Макдональд и я, со своими жёнами, двинулись на запад по ровному ложу долины. Через пару часов езды еле приметный след, по которому мы двигались, и вовсе исчез. Мы повернули южнее, вдоль верблюжьей тропы,

которая, наконец, привела нас к одинокой юрте вблизи подножия гор основного хребта. Рядом, в загоне, огороженном верёвками, стоял табун низкорослых монгольских лошадок голов этак в пятьдесят. Однако же выяснилось, что они не были верховыми конями, поскольку это были всё кобылицы для доения молока. Арат посулил нам, что, возможно, ему удастся достать пару верховых коней через день или два.

Через два дня бесплодной охоты наш хозяин в конце-концов собрал шесть лохматых лошадок. Пару из них он поймал арканом из сыромятной кожи, прикрепленным к длинному кнутовищу. Вскоре также выяснилось, что седло, которое он притащил для меня, вовсе не было ещё сломано. К тому же эта монгольская конструкция, которой он заседлал протестующее животное, была сделана из дерева с двумя большими серебряными нашлёпками на седле. Монгольское седло, несомненно, было сделано по образу и подобию некоего средневекового пыточного реквизита. Я в жизни не видел такого совершенно непревзойдённого по своему неудобству седла.

Мы с Цурэном проехали около 15 миль, маневрируя между холмами по направлению к Ихэ-Богдо. Ближе к вечеру мы заметили отару из 13 баранов на лёжке в тающем снегу. Я быстро глянул на них через бинокль, когда крупный баран перевалил за хребет. И ощутил уверенность, что у любого барана в этом стаде рога точно будут за 50 дюймов. Вот тут-то и был баран, за которым я так далеко забрёл.

Длинной дорогой назад я почти забыл о боли, причиняемой ужасным монгольским седлом. С Цурэном договорился, чтобы арат держал мою стреноженную лошадь вместе со своими дойными кобылицами. Мне

хотелось на следующее утро, ещё до рассвета, отправиться в страну баранов.

Так мы и сделали, но снова пришлось немного повозиться. Монголы ещё не вставали, а мы не смогли завести русский джип. Наконец мы разрешили все эти проблемы по-американски – комбинацией угроз, обещаний и пары старых добрых крепких выражений, которые Цурэн, к счастью, понять не мог.

Мы долго добирались до юрты на машине. Сами взнуздали своих коней. Два монгола повели Макдоналда в те края, где водятся козерог, куда он вовсе и не собирался идти. Мы с Цурэном рысили по холодку на наших лошадахк вверх по склону, – туда, где зубчатая пирамида горы Ихэ-Богдо озарялась первыми лучами рассвета. Через 12-15 миль Цурэн остановился и дальше не поехал. Да я и не просил его двигаться туда вместе со мной. Просто помахал ему рукой и пришпорил своего конька. Цурэн не остановил меня.

На нижних ярусах Ихэ-Богдо я начал замечать свежие бараньи следы на островках снега. А вскоре увидел и хозяев этих следов. Мне приглянулся старый баран на лёжке, за кучей тёмных валунов на краю лощины. Он вскочил и побежал через небольшую расщелину, затем приостановился и обернулся взглянуть на меня. Я соскочил с седла и загнал патрон в патронник моей винтовки калибра .300 магнум. Один рог барана закручивался на оборот с лишним, то есть длина его могла быть 60 дюймов или близко к тому. Другой же рог оказался заметным обломанным. Нехотя я снова оседлал своего конька.

Ближе к вечеру повалил снег. Бегущие по небу облака обтекали, закручиваясь, скалистые склоны горы Ихэ-Богдо. Обрушившаяся с севера метель заслонила своей

пеленой долины подо мной. И теперь вокруг меня было полно баранов, и среди них – очень много овец. Здесь, на запретной территории, животные не бежали. Некоторые даже и с лёжки не вставали, когда я проезжал мимо них. Я заметил одну кучку из восьми баранов. У двоих из них были массивные рога, закрученные наружу, и длиной, возможно, около 50 дюймов. Однако же я всё ещё сомневался. Если меня прихватит буран и я не смогу разжечь огонь, то могу тут и остаться, прямо на этих голых скалах.

Из взвихренной снежной мути выступил гигантский баран. Видно было за ним и остальных его сородичей. Я перемахнул через седло, бросив поводья. Если конёк убежит – не беда. Сдув снежинки с окуляра оптического прицела, навёл его перекрестье на грудь барана. Взглянул разок повыше, приподняв оптику, чтобы проверить его рога. И были они массивны и длинны. Я нажал на спуск. Матёрый баран шатнулся вперёд и ничком рухнул на землю. Шесть остальных баранов отбежали на несколько ярдов и обернулись посмотреть на упавшего собрата. И все они были размерами не меньше, чем тот, которого я свалил.

Длина рогов моего трофея оказалась 53 и 1/3 дюйма, а окружность их основания – 22 дюйма. По стандартам Буна и Крокета, это был мега-баран среди всех остальных. Но даже когда я ловил своего ошеломлённого конька, я пристально вглядывался сквозь снежную пелену в хребты и ущелья, бесконечно простирающиеся в западном направлении. Ведь должны же были там бродить и другие аргали, по сравнению с которыми добытый мной сегодня трофей казался бы просто ягнёнком. Если только мне удастся, то я вернусь сюда и снова попытаю счастья.